

© 2002 г., ЭО, № 3

С.Я. Козлов

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ В СОЧИНЕНИЯХ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА*

Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891), русский литератор, социальный и религиозный мыслитель, перу которого принадлежат романы и повести, публицистические статьи, историко-культурные исследования, разного содержания эссе, очерки, заметки, письма-размышления¹, о котором Н.А. Бердяев (как известно, весьма строгий в оценках) написал: «Это был человек необыкновенно сильного и острого ума, один из умнейших русских людей...»² - при жизни был малоизвестен, после смерти - почти забыт.

В.В. Розанов, который, можно сказать, «открыл» Леонтьева для мыслящей публики в конце XIX - начале XX в. отмечая появление в ряде российских журналов после смерти Константина Николаевича статей о нем, огорченно резюмировал: «И все же в результате - *ничего, никакого общественного внимания*. Кроме своей библиотеки, я никогда и ни у кого не встречал в библиотеке сочинений Леонтьева. Его имя в обществе если и известно, то *понаслышке, а не по чтению*»³.

Как констатировал спустя сто лет после смерти К. Леонтьева автор одной из лучших в наше время работ о нем Александр Корольков, «не приняли идей и художественного стиля К. Леонтьева ни его современники-писатели, ни философы и публицисты. ...Философы не видели в К. Леонтьеве философа, писатели - писателя»⁴.

Составитель собрания сочинений К.Н. Леонтьева протоиерей И. Фудель (православный немец, человек, близкий Леонтьеву в последние годы его жизни), заключая биографическую справку о нем, писал (спустя всего лишь два десятилетия после его смерти): «Константин Леонтьев для широких кругов нашего читающего мира писатель совершенно *новый*. Поколение, выросшее в последние 20 лет, пожалуй, даже не слышало его имени (!.. - С.К.). Но и среди своих современников Константин Леонтьев не пользовался известностью, хоть в малейшей степени соответственной его громадным дарованиям...» Однако он не сомневался, что «...придет время, когда К. Леонтьева будут изучать и комментировать, как величайшего по своеобразию красок русского мыслителя»⁵.

И. Фудель не ошибся: такое время пришло. С начала 90-х годов XX в. (совпавшего с началом нового этапа российской истории) издано несколько сборников работ К.Н. Леонтьева, о нем пишутся статьи и книги, защищаются диссертации, его имя, ссылки на него, цитаты из его работ довольно часто можно встретить и в газетной периодике, и в серьезных журналах.

* Автор сознает, что некоторыми читателями этой статьи ему может быть брошен упрек в чрезмерном цитировании сочинений К.Н. Леонтьева (и по количеству приводимых отрывков, и по их величине). Разумеется, многие из них я мог бы изложить своими словами. Но мне представляется важным, чтобы после столетнего молчания (точнее, замалчивания) он выражал свои мысли своими словами, чтобы читатель почувствовал образность, эмоциональность, оригинальность его речи, увидел движение его мысли. Почти все курсивы (за исключением нескольких, специально оговоренных случаев) принадлежат Леонтьеву: он активно пользовался этой формой выделения, подчеркивания особо существенных, на его взгляд, мест в своих работах.

Нынешнее обращение к К.Н. Леонтьеву не случайно. Теперь, как и в последние десятилетия XIX в., Россия вновь ищет свое место в быстро меняющемся мире; чрезвычайное обострение этнополитических, этнокультурных проблем побуждает обращаться к опыту их осмысления (а иногда - и решения...) в предшествующие периоды российской истории. В этом контексте работы одного из самых оригинальных русских мыслителей XIX столетия не могут не вызывать интереса (даже при неприятии его взглядов и оценок).

Российским же этнологам многие сочинения К. Н. Леонтьева особо интересны своей насыщенной этнографичностью, обостренным вниманием их автора к тем этнологическим проблемам, которые и сегодня являются предметом нашего обсуждения, анализа, исследования*.

* * *

Родился Константин Николаевич 13 января 1831 г. в дворянской семье (по материнской линии - весьма родовитой), в калужском имении Кудинове. Воспитывали сына в духе преданности царствующему дому, традиционно-сословной морали и этики. Учился он сначала в Смоленской гимназии, затем один год был кадетом в Дворянском полку в Петербурге, но заболел и продолжил образование в калужской гимназии. Юношей вдруг завладевают демократические (и даже республиканские) настроения; он увлекается произведениями В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Жорж Занд, других русских и европейских радикально мыслящих авторов. Леонтьев поступает в Московский университет - на медицинский факультет, что не было модным для представителей «хороших» дворянских фамилий. Студентом Леонтьев начал пробовать себя в сочинительстве. Свои первые опыты - комедию «Женитьба по любви» и повесть «Булавицкий завод» - показал И.С. Тургеневу, который отметил явную одаренность их автора. В 1854 г. была опубликована его повесть «Благодарность».

Будучи на пятом курсе, Леонтьев решил поехать в действующую армию (шла Крымская война), в связи с чем ему досрочно было присвоено звание врача. Он жаждал острых ощущений, новых, необыкновенных коллизий, людей, ситуаций; еще больше хотелось себя самого почувствовать другим - нестандартным, новым, сильным.

Однако в Крыму довольно скоро его обязанности в госпитале показались Леонтьеву обременительными и скучными; осенью 1856 г. (война уже окончилась) он уехал на полгода в отпуск; спустя год окончательно распростился с военной службой. Два года Леонтьев провел домашним врачом в богатом поместье в Нижегородской губ. Много читает, думает, пишет. Осенью 1860 г. он поселяется в Петербурге; в 1861 г. женится на давней знакомой по Крыму, красавице-гречанке из Феодосии.

В конце 1861 г. журнал «Отечественные записки» опубликовал роман Леонтьева «Подлипки» - далекий от запросов и настроений тогдашнего русского общества (бурно переживающего социальные реформы, менявшие страну), пропитанный мыслями и идеями, которые позднее станут называть нищенскими. Произведение это не было принято ни публикой, ни литературной критикой.

Материальные трудности побудили Леонтьева в 1863 г. поступить на службу в Министерство иностранных дел; проработав там несколько месяцев, он в октябре того же года получил направление на о-в Крит (секретарем консульства). Начался очень важный период в жизни Константина Николаевича. Работа на Крите, затем в Константинополе, Адрианополе, в Тульче (на Дунае), в Янине (населенный в основ-

* Как точно отметил (в разговоре с автором) известный российский этнолог и культуролог чл.-кор. РАН С.А. Арутюнов, К. Леонтьев принадлежит к весьма узкому кругу тех, кто стоял «у истоков рассмотрения проблемы этнического в российской науке».

ном турками город в Албании), в Салониках на Эгейском море ввела Леонтьева в совершенно новый мир средиземноморского Востока, во всем его этническом разнообразии, культурном многообразии, красочности, оригинальности. Он очарован этим миром, еще живой «Византией», жадно впитывает все наблюдаемое, почти растворяется в этой сказочной действительности. Леонтьев посещает афонские монастыри, заинтересованно общается с их обитателями.

В эти годы он много пишет в жанре беллетристики (эти сочинения впоследствии составили трехтомник «Из жизни христиан в Турции»). Однако созданный в конце 60-х годов цикл романов под общим названием «Река времен» (из жизни России за полвека, в 1811-1862 гг.) до читателя не дошел: в один из периодов депрессии и гиперкритицизма по отношению к своему творчеству Леонтьев сжег все рукописи, «восьмилетний труд» свой, как писал позднее он сам.

1871 год стал для Леонтьева переломным. Тяжелая болезнь жены, смерть матери, наконец, собственное серьезное заболевание (нечто желудочно-простудное; но сам он увидел в нем признаки холеры), наложившееся на давно уже мучившую его лихорадку - все это вызвало тяжелую депрессию, на фоне которой разразился глубокий духовный кризис. Довольно равнодушный до той поры к религии, «почти язычник», по собственному его свидетельству, в момент смертельной, как ему казалось, опасности для жизни он испытал всепоглощающий мистический стресс: Леонтьев обратился к христианству, страстно молил Бога о спасении. Он решил даже уйти в монастырь, более года прожил на Афоне. Однако когда он заговорил с давно знакомыми ему старцами Пантелеймонова монастыря о своем намерении постричься в монахи, те порекомендовали ему «не суетиться», повременить с таким серьезным решением. Леонтьев поехал в Константинополь, где и поселился, уйдя в отставку с дипломатической службы. Духовное преобразование в нем продолжалось; Леонтьев осознал, что далеко еще не готов к монастырской, монашеской жизни. Он с головой ушел в литературное творчество, причем на первый план для него теперь выходит публицистика. Основные темы его в этом жанре: прогресс и культура; историческая роль и судьба России; Россия и Запад; Россия и славянский мир; культурно-религиозное наследие Византии и его значение для современной ему России, православия (и многие другие). В 1872-1873 гг. он написал самое известное свое теоретическо-публицистическое произведение «Византизм и славянство»⁶.

Стремясь к более непосредственному и активному общению с литераторами и учеными, редакциями и издательствами, Леонтьев в 1874 г. переехал в Москву. Он посещает Оптину пустынь. Более полугода Леонтьев прожил почти отшельником в Николо-Угрешском монастыре (близ Москвы). Затем снова переход к активной жизни (Москва, Петербург, Константинополь, Белград). В 1880 г. он несколько месяцев работает заместителем редактора «Варшавского дневника» (русской газеты в Польше), регулярно печатает там свои передовые статьи о российской и европейской жизни, по общекультурным и религиозным проблемам. Затем перебирается в Москву, где 6 лет служит цензором в Московском цензурном комитете. В отставку ушел в начале 1887 г. и почти сразу же, весной, поселяется в Оптиной пустыне, где находит время не только для углубленных духовных поисков, но и интенсивной литературной работы. Здесь состоялась его длительная беседа с приехавшим в обитель Л.Н. Толстым, религиозные взгляды которого Леонтьев считал чрезвычайно вредными и для русского православия, и для России (о чем он и сказал без обиняков великому писателю)⁷.

С каждым годом, с каждым месяцем Леонтьев все более погружается в себя, в религиозные размышления и молитвы. 13 августа 1891 г. он принимает тайный постриг; в конце того же месяца переезжает в Троице-Сергиеву лавру. Поздней осенью он тяжело заболевает воспалением легких; скончался 12 ноября 1891 г., на 61-м году жизни.

Такова внешняя канва жизни К.Н. Леонтьева.

Почему же талантливый мыслитель, публицист, интересный беллетрист не был принят русским обществом при жизни и надолго, на столетие, почти забыт после смерти?

Максимально кратко - и верно - ответил на этот вопрос В.В. Розанов: «Идеи его были исключительны, и неудивительно, что не принялись»⁸. Послестуденческая жизнь Леонтьева пришлась на эпоху либеральных реформ Александра II, которые очень существенно трансформировали всю социально-экономическую, внутриполитическую ситуацию в России и очень болезненно воспринимались самыми разными кругами российского общества - от вчера еще крепостного мужика до «барина» (помещиков, служилого дворянства, чиновничества), — даже теми, в чьих интересах, казалось, они проводились (великолепный художественный анализ эпохи - Некрасовская поэма «Кому на Руси жить хорошо»). Фактически это была осуществляемая сверху сравнительно «мягкая революция», которая должна была ввести развитие России в русло тех буржуазно-прогрессивных преобразований, которые проходили в Европе после наполеоновских войн и особенно после революций 1848 г. (отнюдь не «бархатных»). По некоторым данным, царь готов был даже ввести в России ограниченную конституцию. Но нетерпеливые бомбисты-народовольцы оборвали этот эволюционно-революционный процесс. Наступила мрачная эпоха, олицетворением которой стал обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев (вспомним блоковские строки: «Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла»).

Имя Победоносцева было синонимом реакции во внутренней политике; имя М.П. Каткова, издателя журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» - синонимом реакции в журналистике, публицистике, литературе. Так вот, К.Н. Леонтьев был консервативнее, реакционнее и Каткова, и Победоносцева (который, кстати, благожелательно-похвально воспринимал леонтьевскую публицистику). Не будет большой натяжкой сказать, что в 70-е - начале 90-х годов XIX в. «правее» К.Н. Леонтьева в России не было никого. Он отталкивал своей экзальтацией, своей демонстративной реакционностью даже людей, в какой-то мере близких ему по взглядам, по принципиальным подходам к проблемам России. И не мудрено. Ведь известная многим идея «...подморозить Россию» принадлежит именно ему, К.Н. Леонтьеву. Он откровенно, прямо, подчеркнуто резко выступал против эмансипации в любых формах, против любого проявления «либерализма». Даже широкое распространение грамотности среди народа он считал делом вредным, с которым никак не следует поспешать.

Не удивительно, что и сходящиеся с ним в некоторых пунктах славянофилы и их издания (журнал «Русская мысль» и др.) отзывались о его работах и взглядах весьма критично, не принимая, в частности, его восторги перед «византизмом». И.С. Аксаков называл Леонтьева проповедником «сладострастного культа палки»; Л.А. Киреев говорил, что Леонтьев насаждает в России «аракчевщину»⁹. Леонтьев сам признавал, что те «очень немногие», которые понимают его и согласны с ним, выражают свою солидарность «большой частью тайком, в частных ко мне письмах»¹⁰.

К.Н. Леонтьев разделял идеи крупного русского публициста и мыслителя Н.Я. Данилевского (некоторые из них он существенно развил, заострил) о цикличности развития народов, культур, государств. Леонтьев был убежден, что подобно явлениям живой природы они имеют свои периоды зарождения, роста и расцвета, а затем неизбежного угасания, старения и, наконец, смерти (исчезновения). У всего в этом мире есть свой срок существования. В работе «Византизм и славянство» (и в меньшей степени в других, а также в письмах, почти каждое из которых - интересное, содержательное эссе) он обосновывает эти мысли разнообразным фактическим материалом из истории народов и культур евроазиатского мира, начиная с древних цивилизаций. Для всех для них, показывает Леонтьев, характерны три основных этапа: «первичная простота», «цветущая сложность», «вторичное смесительное упрощение»,

за которым следует неизбежное исчезновение (более или менее растянутое во времени).

Нарастающее в течение всего XIX столетия однообразие, исчезновение национальной специфики, прогрессирующая космополитизация, «усреднение» и «выравнивание» всех и всего были для Леонтьева бесспорным свидетельством угасания европейских народов, европейской культуры; и в России он наблюдал все более острые симптомы общей болезни. Поворотный пункт в неуклонном движении Европы к самоуничтожению Леонтьев видел в Великой французской революции 1789 г., ибо с нее начался тот процесс «разрушения, которому мы все до сих пор и волей, и неволей продолжаем служить, — *освобождая, равняя, смешивая, объединяя, приемы весьма сложными* стремясь к психическому обеднению человечества — к идеальному упрощению его в жалком образе "среднего европейца..."»¹¹.

Летальный исход при таком развитии неизбежен, убежден был Леонтьев; можно лишь, осознав происходящее, «притормозить», замедлить движение к этому ненавистному для него, губительному «смесительному упрощению...». «*Революция, ассимиляция, эгалитарно-либеральный прогресс* — все это для меня только разные названия одного и того же процесса, — писал Леонтьев. — Этот процесс... должен рано или поздно не только разрушить все ныне существующие особые ортодоксии, особые культуры и отдельные государства, но, вероятно, даже уничтожить и само всечеловечество на Земле, предварительно сливши, *смешавши* его в более или менее однородную — более или менее *однообразную* — социальную единицу. В однообразии — смерть»¹².

В своем страхе перед ассимиляционным, космополитическим процессом Леонтьев видел угрозу даже в широком распространении столь дорогого его душе христианства: «...как бы то ни было, — и стремление к повсеместному распространению Христианства есть, все-таки, своего рода стремление к *ассимиляции*, есть тоже, если хотите, своего рода революционное действие, — *смесительное*, т.е. разрушительное, к смерти ведущее, ибо оно способствует уменьшению... *разнообразящего развития*...»¹³.

«Однородность», одинаковость, безликость всех и всего («все люди должны со временем стать между собой схожи, как березы в роще», — вспоминал он слова тургеневского Базарова¹⁴) — этот навязчивый кошмар буквально преследовал К.Н. Леонтьева.

В эпоху победного шествия капитализма в Европе (и активизации этого процесса в России), расцвета наук (особенно естественных и точных), стремительного развития техники, роста образованности все более широких кругов населения выступать против прогресса, наверняка означало войти в конфликт с реальными интересами практически всех слоев общества, с самым движением жизни. К.Н. Леонтьев понимал это, но настойчиво стоял на своем. Его пугала и техническая, и социальная, и этнокультурная стороны совершающегося процесса.

Он остро ощущал, что безудержное развитие науки и техники имеет неизбежную оборотную сторону — те пагубные последствия, которые абсолютное большинство людей тогда еще не только не беспокоили, но и попросту не воспринимались как возможная беда. Леонтьев же протестовал против «...всего этого физико-химического, умственного разврата, против этой страсти орудиями мира неорганического губить везде органическую жизнь, металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное разнообразие, животный мир и самое *общество человеческое*...»¹⁵. Он предупреждал¹⁶, что ученые, инженеры «весьма опасно» балуются со страшными и таинственными силами природы*. При этом Леонтьев, наблюдая происходящее в России, подчеркивал, что здесь все эти процессы идут еще более безудержно и хищно, чем в Европе: «...Построилось вдруг множество железных дорог,

* Как актуально звучали эти предостережения в XX в. в связи с работами в области ядерной физики, генной инженерии, прикладной химии, не экспериментами уже, а массовой практикой всевозможных биотехнологов. Экологической катастрофой (или ситуацией накануне таковой) — так это стало называться в наши дни.

стали вырубаться знаменитые русские леса, стала портиться почва, начали мелеть и великие реки наши (до леоновского романа «Русский лес», до зальгинской публицистики было еще много десятилетий, почти век... - С.К.). Эмансипированный русский человек восторжествовал над своей родной природой, - он изуродовал ее быстрее всякого европейца»¹⁷.

Еще катастрофичнее представлялись Леонтьеву социальные последствия «прогрессирующего прогресса». Родовитый дворянин по происхождению и воспитанию, аристократ по самоощущению, утонченный эстет-импрессионист по мировосприятию, он остро, отчетливо понимал, что столь милые его душе «дворянские гнезда» скоро будут разорены, что «вишневые сады» будут вырублены, и ненавидел всех этих деловитых Штольцев и Лопахиных; он ненавидел самую суть происходившего процесса. Ему виделся страшный ответ на известный гоголевский вопрос: «Русь, куда несешься ты?»; ответ этот был: в бездну. Потрясенный открывшейся ему перспективой, картиной будущего (и уже, он был убежден, не столь отдаленного), Леонтьев буквально заболел этим своим открытием.

Он понимал, что идущий процесс - всемирный, совершающийся помимо и даже вопреки воле людей. Но ему казалось, что у России есть шанс - если не окончательно спастись, то хотя бы замедлить это движение по гибельному пути. Спасение России, убежден был Леонтьев, - в следовании принципам «византизма», что расшифровывалось как сохранение и усиление самодержавной царской власти, доминирование религии (православия) в общественной, духовной, домашней жизни, решительное отрицание идеи всеобщего равенства и всеобщей свободы. Он был страстный поборник всех форм социального неравенства, всех неравенств и яростно ненавидел эгалитаризм как идею, эгалитарные движения и изменения как политическую реальность. Он искренне негодовал по поводу того, что «...теперь извозчик и овощной торговец читают газеты; купеческих приказчиков зачем-то пускают на всемирные выставки; смоленские мужики ездят лечиться к Пастёру (так у автора. - С.К.), возвращаются домой в *парижских цилиндрах* и хвалят донельзя порядки республиканской Франции...»¹⁸. И вот какой «рецепт» прописывал России Леонтьев: «Равноправность, либерализм и капитализм, видимо, теснейшим образом связаны между собою в жизни.

Все это слишком усиливает *подвижность социального строя*... Мне все кажется, что именно России суждено возвратить социальную жизнь к *меньшей подвижности*.

А эта меньшая подвижность возможна только при *неравноправности* и при *различного рода* прикрепощениях лиц к земле, к общинам, сословиям и другим учреждениям»¹⁹.

Н.А. Бердяев назвал Леонтьева «философом реакционной романтики» (буквально так и озаглавлена одна из его статей о нем). Конечно, ни в его время, ни тем более в наше такие идеи у абсолютного большинства нормальных людей никакого сочувствия, солидарности вызвать не могли и не могут. Потому он и был одинок, хоть и был озабочен спасением отечества... Леонтьевская программа была программой невозможного, немыслимого, ибо невозможно, немыслимо остановить движение, развитие жизни. Образно сказал об этом В.В. Розанов в заключительном комментарии к публикации писем Леонтьева к нему, дав при этом очень точную характеристику исторического пессимизма его (а также В.С. Соловьева, о котором он говорит в связи с Леонтьевым): «Определив фазу XIX столетия, как фазу "предсмертного смещения", он (К.Н. Леонтьев. - С.К.) захотел ей сказать, как некогда Иисус Навин о дне сражения: "стой, солнце, и остановись, луна". Конечно, он знал, что ничего от его крика не остановится... Известно, что и Вл. Соловьев посмотрел на фазу нашей истории, как на предсмертную... Но так ли они были оба правы? Есть ли вообще основание для такого окончательного пессимизма? "Человечество изнашивается: в цивилизации нет больше *зарождающихся* идей и в то же время *этнографический материал hominis sapientis* исчерпан". Так они оба думали». На самом деле, как показывает на примерах Розанов, большинство народов, и русский, может быть, особенно, находятся не на закате, а в начале своего исторического бытия («...на пространстве

Восточной Европы жили исторической жизнью (до сих пор. - С.К.) буквально тысячи, а не миллионы; *люди и человека, а не народы*...». «...*Главные узлы истории даже и не завязывались... вся она еще в будущем... Главнейшие части всемирной истории просто даже не начались...*»²⁰

К этому, пожалуй, справедливо добавить: и Леонтьев, и Соловьев, и упоминаемый Розановым далее гениальный Гоголь были людьми большими (и физически, и душевно), и это в громадной степени повлияло на их мировосприятие. Свое состояние они экстраполировали на все человечество, свой закат ощущали как закат мировой истории: таковым было художническо-философское преломление наблюдаемых процессов и форм жизни в их головах, в их душах, в их творчестве. Этого не увидим, не найдем у солнечного Пушкина (современника Гоголя), у кряжистого «мужика» Л. Толстого (современника Леонтьева и Соловьева). Я не сомневаюсь, что, не учитывая этого фактора, невозможно адекватно оценить, в частности, идеи и все творчество К.Н. Леонтьева.

Но, быть может, именно болезненно-обостренное (не столько даже на уровне разума, сколько художнической интуиции) восприятие и анализ текущей жизни обусловило поразительно точную оценку, характеристику некоторых грядущих процессов.

К.Н. Леонтьев был знаком с социалистическими теориями, но не питал никаких иллюзий в связи с их возможной реализацией, а в том, что человечество стоит накануне такого эксперимента, он был убежден. Он понимал, что разрушение племенных и сословных перегородок до крайности обнажит и проявит новый, гораздо более грозный и непримиримый антагонизм - между трудом и капиталом, между бедностью, нищетой одних и вызывающим богатством других. К.Н. Леонтьев предвидел и неизбежность мощнейшего социального взрыва, и то, что последует за ним. Вот его мысли в этой связи: «Не готовится ли европейское человечество свести свои последние *племенные* расчеты для того, чтобы потом еще свободнее прежнего приняться за ...борьбу социально-экономическую...? (И) это (будет) *такая* гроза, которой люди, быть может, со времен нашествия варваров на Рим не видали...»²¹

«...Социализм (т.е. глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере, для некоторой части человечества. Но не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побежденным... сами победители... очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя... законы и порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, даже *страшнее*»²²

«На розовой воде и сахаре не приготавливаются такие коренные перевороты, они предлагаются человечеству всегда путем железа, крови и страданий...»²³

Леонтьев предсказывал, что после победы социалистов «...*все существенные стороны охранительных учений им самим понадобятся*. Им нужен будет страх, нужна будет дисциплина, им понадобятся предания покорности, привычка к повиновению...»²⁴

«Социализм, понятый как следует, есть не что иное, как новый феодализм уже вовсе недалекого будущего... в смысле глубокой неравноправности классов и групп... в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями...»²⁵

Нужны ли комментарии к этим мыслям? Напомню лишь, что К.Н. Леонтьев умер в 1891 г. Век XX с его грандиозными (и жесточайшими) социальными экспериментами, втянувшими в свои водоворот десятки стран и сотни миллионов людей, был еще впереди.

* * *

Константин Леонтьев - очень этнологический литератор. Эта черта его проявилась как в беллетристике, так и в публицистике, в статьях по преимуществу культурологических, политических, философских, духовных, в письмах. Во всех повестях, рассказах, очерках «восточного» цикла содержится масса этнобытовых и этнопсихо-

логических деталей, характеристик, обобщений, диалектных и местных слов и «словечек», фольклорных образов, позволивших въявь увидеть жизнь турок, греков, южных славян. Во многом благодаря его книге «Из жизни христиан в Турции» (сборник повестей и рассказов) русский читатель получил возможность узнать, как живут люди из разных народов, разных социальных и религиозных групп на этом загадочном Востоке. Уже в первых его после приезда на Крит сочинениях («Очерки Крита», рассказы, повести «Хризо», «Хамид и Маноли» и др.) мы находим много очень «этнографичных» портретов людей из самых разных групп тамошнего населения, описаний обычаев, точные бытовые детали, характеризующие греков-критян.

В.В. Розанов специально отметил, что Леонтьев «был первый из русских и, может быть, европейцев, который, говоря языком Белинского, открыл "пафос" (живую душу, настоящий смысл, поэзию) туретчины, ее воинственности и женолюбия, религиозной наивности и фанатизма, преданности Богу и своеобразного уважения к человеку... Тонкими, пластическими штрихами он набросал то, что я назвал бы "законом гарема", т.е. тайну внутренней и теплой, даже горячей-горячей привязанности друг к другу членов семьи в этом, столь непонятном для нас типе семейного сложения»²⁶. Еще раз Розанов обращается к этой теме в примечании к одному из писем Леонтьева. Это суждение его столь интересно, столь содержательно, что я не могу не привести его почти целиком: «...едва я начал их (повести Леонтьева. - С.К.) читать, как поразили красотой и художественной верностью живописи. Молодые греки, мечтающие о парламенте, молодые боярыни греческие..., грубые, суровые старые турки-паши, большой родовой быт славян, и торговля, везде торговля, и деньги, в перемешивании с разбойничеством (в горах), - все дает великолепную панораму Балканского полуострова перед самым освобождением. Удивительно, что они не переведены на греческий и южно-славянские языки. Но когда-нибудь они там станут родною книгой, своей отечественной, ибо *схватили портрет национальностей...*»¹¹ (курсив мой. - С.К.).

В разных своих работах К.Н. Леонтьев подчеркивает важность «этнографической составляющей» и в обыденной жизни, и в социальных процессах. «Шапка-мурmolка, кепи и тому подобные вещи гораздо важнее, чем вы думаете; внешние формы быта, одежды, обряды, обычаи, моды - все эти разности и оттенки общественной эстетики *живой...* - все эти внешние формы, говорю я, вовсе не причуда, не вздор, не чисто "внешние вещи", как говорят глупцы; нет, они суть неизбежные последствия, органически вытекающие из перемен в нашем внутреннем мире, это *неизбежные пластические символы* идеалов, внутри нас созревших или готовых созреть»²⁸.

И в других работах он снова и снова повторяет свою мысль о том, что «...изменение внешних форм быта» связано с разнообразными изменениями в психологии людей, в их культурном, национальном (этническом) самосознании, что это - «самый верный и могучий признак глубокого изменения в духе»²⁹; он настойчиво отмечает важность «внешнебытовых отличий» для характеристики народа, «которые вовсе не так уж внешне, как многие думают, а имеют глубокое психическое значение»³⁰. И снова: «...речь шла об одежде (вещи, которую совершенно неправильно поверхностные умы считают пустой и только "внешней")»³¹.

Он видел глубокую связь между разными сторонами человеческого бытия (индивидуального и общественного): «Природа, *"натура"* человека, *учреждения*, быт, вера, моды - все это органически связано»³².

Во многих публицистических сочинениях К.Н. Леонтьева - и в крупных работах, и небольших статьях и заметках - можно найти очень интересные (и сегодня интересные!) наблюдения, размышления, оценки по вопросам, относящимся к сфере этнологии, этнополитологии, культурологии. Назову лишь некоторые из них, наиболее характерные: «Византизм и славянство», «Панславизм и греки», «Панславизм на Афоне», «Еще о греко-болгарской распре», «Наши окраины», «Письма о восточных делах», «Плоды национальных движений на православном Востоке», «Русские, греки и юго-славяне», «Славянофильство теории и славянофильство жизни». Но особенно заметна эта черта леонтьевской публицистики в следующих работах: «Национальная

политика как орудие всемирной революции (письма к о. И. Фуделю); «Культурный идеал и племенная политика (письма г-ну Астафьеву) и «Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву». Жанр «письма» давал К.Н. Леонтьеву возможность, сохраняя глубину, основательность анализа, излагать свои мысли более эмоционально, лично (что соответствовало вполне его характеру). Немного позднее я подробно остановлюсь на этих трех работах К.Н. Леонтьева. А сейчас я хотел бы показать, как много этнологического содержания он мог вместить в один небольшой пассаж о немецком этносе: «...немцы XVII и даже XVIII века очень редко думали о том, что они немцы или германцы вообще; у них был силен не общий германский патриотизм, а патриотизм особо-государственный - прусский, баварский, саксонский и т.д. Они все сами мало сознавали *себя одной нацией*; но со стороны каждый понимал, что они все одинаково немцы, члены немецкой нации, которая есть сама лишь ветвь германского племени»³³.

Здесь зафиксирован и факт феодально-государственной раздробленности немцев, и осознание ими в ту пору себя прежде всего пруссаками, баварцами и т.д. (и соответствующий патриотизм при этом); но эта этнополитическая реальность не отменяла этнокультурной реальности, в значительной мере общей для всех групп немецкого народа, что и определяло восприятие их окружающими народами как людей одной нации, как немцев; при этом Леонтьев указывает и на другой, более высокий таксономический уровень - немцы как один из народов германоязычной группы, общности, что он именует, в своей терминологии, «германским племенем».

Не обошел К.Н. Леонтьев и проблему иноплеменных областей, присоединенных к России: «...Назначение России еще и потому не может быть односторонне славянским, что сама Россия давно уже не чисто славянская держава. Азиатские, подвластные Короне русской провинции обширны, многозначительны по местоположению и весьма характерны по идеям своим, и при каждом политическом движении своем Россия должна неизбежно брать в расчет настроение и выгоды этих драгоценных своих окраин»³⁴. Это — соображения умного, проницательного, трезвого политика, которые не мешало бы знать (и реально учитывать) и нынешним нашим деятелям (хотя после развала СССР «окраин» этих существенно поубавилось...).

Однако все эти качества Леонтьева-политика мгновенно исчезают, когда он обращается к областям, где назревали либо совершались уже перемены в духе ненавистного ему «эгалитарно-либерального прогресса». Тут он непреклонно стоит на охранительно-консервативных позициях - в большей мере, чем самые консервативные официальные деятели его времени. В специальной статье «Наши окраины» (посвященной Польше и Остзейскому краю) Леонтьев без обиняков излагает свою программу консервации («подмораживания») всего, «что осталось от 20-х, 30-х и 40-х годов, и как можно подозрительнее (научно-подозрительнее) смотреть на все то, чем подарило нас движение 60-х и 70-х годов... В делах Остзейского края... следует... право немецких баронов предпочитать эсто-латышскому демократическому движению»³⁵.

Одной из «веховых» работ К.Н. Леонтьева, где он наиболее полно и ясно выразил свои взгляды на социально-политическое, национальное, культурное развитие Европы в XIX в., стала его большая статья «Национальная политика как орудие всемирной революции». Впервые она была опубликована в 1888 г. в петербургской газете «Гражданин» (нельзя не отметить - одной из самых реакционных в то время), в 8 выпусках; в следующем году в Москве вышло отдельное издание.

Леонтьев, внимательно наблюдая за происходящими в Европе событиями (войны за независимость, появление новых государств, в том числе больших централизованных держав - Германии, Италии; реформы в разных сферах жизни; изменения в быту, в традиционной культуре; в отношениях между разными социальными группами), приходит к однозначному выводу: и люди, и народы, и страны все более становятся подобными друг другу; в них все меньше оригинального, отличающегося. Он подробно показывает это на материале современной ему истории Греции, Италии, Франции, Германии (делая при необходимости сравнительные экскурсы в предыдущие

эпохи и периоды). Он отмечает, что такой результат получается неизбежно - даже тогда, когда цели были противоположными по своему замыслу³⁶. Да, говорит он, добилась независимости (частично) Греция; освободилась и объединилась Италия; Бисмарк создал мощную объединенную Германию. Каковы же внутренние следствия этих исторических трансформаций, задается вопросом Леонтьев, и отвечает: *«Все эти нации, все эти государства, все эти общества сделали... огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смешения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т.д. И в то же время они все много "преуспели" на пути большего схождения с другими государствами и другими обществами... Все идут к одному - к какому-то средне-европейскому типу общества и к господству какого-то среднего человека...»*³⁷ Все это было неприемлемо, ненавистно для Леонтьева, ибо он видел в таком развитии неудержимую поступь «всесветной революции», которая, все смешивая и уравнивая, неизбежно - так он считал - погубит все лучшее, самобытное, оригинальное, что было в культуре, жизни народов; а потом и сами они исчезнут, растворившись в некой однородной космополитической массе. Причем одним из этапов такого развития, предсказывал Леонтьев, будет социализм, который *«есть международность по преимуществу, т.е. высшее отрицание национального обособления»*^{38*}.

Нельзя не отметить, что вся идеология этой работы и последующих вызрела у Леонтьева задолго до конца 80-х - начала 90-х годов, когда они были написаны. Практически все его изложенные выше мысли содержатся, например, в одной из передовых статей («Панславизм», 29 января 1880 г.) в газете «Варшавский дневник». «Племенная политика, - писал тогда Леонтьев, - есть одно из самых странных самообольщений XIX в. Национального, в действительном смысле, в племенном принципе нет ничего... Везде люди говорят: "нация, народность, национальный принцип", везде стремятся приобрести для этой *особой* национальности больше свободы и прав; везде хотят "поднятия национального духа", митингуют, борются, восстают, ведут войны, льют кровь, приносят всякого рода жертвы или за полное *государственное освобождение* наций, или, по крайней мере, за больший простор этому национальному духу. И что же выходит?» А выходит, говорит далее автор, уподобление одних стран и народов другим, усреднение их, растворение в космополитической суперобщности: *«...служба принципу чисто племенной национальности, мы способствуем, сами того не желая и не сознавая, - космополитизму... антинациональной демократизации»*³⁹.

Работа «Национальная политика...» имела неожиданное продолжение. П.Е. Астафьев (философ, психолог, публицист), прочитав ее, в своей статье «Национальное самосознание и общечеловеческие задачи»⁴⁰ критически отозвался (очень кратко, в одном абзаце) о некоторых положениях К.Н. Леонтьева. Последнийотреагировал статьей «Ошибка г. Астафьева» в петербургской газете «Гражданин» (1890. № 144, 147); Астафьев ответил в газете «Московские ведомости» (29 июня 1890 г.). Леонтьев, несколько уязвленный критическими выпадами (и еще более огорченный полным, как ему казалось, непониманием его) решил продолжить полемику, но уже не конкретно с Астафьевым, а как бы со всеми своими возможными оппонентами, со всеми, кто не дал себе труда вдуматься в его рассуждения и выводы, кто не желал его понять. Он написал (тогда же, в 1890 г.) работу «Культурный идеал и племенная политика» в форме шести «писем г-ну Астафьеву»⁴¹. Несколько позднее Леонтьев делает новую попытку - не столько что-то доказать, сколько еще раз высказать свои мысли русскому обществу; результатом явилось объемное сочинение под названием «Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву». Как и предыдущая работа, она не была опубликована при жизни автора⁴².

Эти последние крупные сочинения К.Н. Леонтьева представляют особый интерес для этнологов, так как в них уделено много внимания не только (и даже не столько) традиционным для него культурологическим и историософским темам; едва ли не

центральное место здесь занимает обсуждение этнологической терминологии, этнологического понятийного аппарата - естественно, в связи с теми реалиями, которым соответствуют анализируемые им понятия и термины. Так, в «Культурном идеале...» мы находим подробный разбор целой группы понятий и терминов: нация, национальность, национальный идеал, национальное начало, национальная политика, национализм. В работе «Кто правее?..» он возвращается к анализу этих понятий-терминов, уточняя и углубляя свое понимание их.

Конечно, нет необходимости полемизировать с Леонтьевым с позиций этнологической науки начала XXI в. (это было бы некорректно) и даже просто сопоставлять наше нынешнее понимание тех или иных понятий с леонтьевским их пониманием. Но для нас не просто любопытно, но и полезно знать, какое содержание вкладывалось в эти понятия (столь актуальные в наше время) одним из самых эрудированных и остро мыслящих публицистов конца XIX в.

Итак, «нация». Нет нужды разъяснять это понятие, пишет К.Н. Леонтьев: «Это и так слишком наглядно. Это почти физическое представление. Знаешь немного географию и этнографию; знаешь, где живет народ; знаешь, на каком языке он говорит; вообразаяш немедленно и невольно знакомые физиономии людей этой нации. Нация - это сама *вещь*; термин *нация* соответствует самому конкретному из всех представлений, принадлежащих к разбираемому порядку»⁴³.

Как мы видим, для Леонтьева нация - не отвлеченное понятие, не абстракция, а реальность, в характерные свойства (признаки) которой он включает язык, территорию, особенности традиционной (прежде всего бытовой) культуры - то, что он называет «этнографией», и антропологические особенности, выразившиеся во внешних чертах («физиономии людей этой нации»).

Возвращаясь к понятию «нация» в работе «Кто правее?..» (через несколько месяцев), он уточняет свое понимание его, и, что важно отметить, буквально в процессе своего разъяснения об этой категории приходит к выводу, что не такая уж она «наглядная», не так проста для определения. Чтобы показать движение леонтьевской мысли, приведу, хоть и отрывочно, но все же достаточно полно весь этот пассаж: «Обыкновенно слово "нация", насколько мне известно, принималось просто *как известная ветвь известного племени*; ветвь, имевшая особые отличительные признаки в племенном языке, в истории, религии, обычаях и т.д. (племя - славяне; нации: русские, поляки, сербы, болгары и т.д.) ...вспомним о баварцах, пруссаках, австрийских немцах прошлого века... взятые во всецелости (они) составляли нацию, *государственно* лишь разделенную на особые группы. А голландцы и датчане, принадлежа тоже к племени германскому (к германской языковой группе, к германоязычной историко-культурной группе народов, сказали бы мы сегодня. - С.К.), к *нации* немецкой не относились и не относятся никем. ...Вообще нацию определить в точности очень трудно (! - С.К.). Племя - легче. Язык и кровь (признаки более физиологические). Культуру - тоже легче. Совокупность признаков более идеальных, чем кровь и язык (*уже сформированный*), т.е.: религия, *род* государственных учреждений; вкусы (обычаи, моды, нравы домашние и общественные); характер экономической жизни.

Нация же выходит, мне кажется, из совокупности обеих этих совокупностей - *идеальных и физиологических*. Признаки особой (т.е. каждой отдельной. - С.К.) нации слагаются из признаков племенных и культурных»⁴⁴.

Вернемся, однако, к продолжению обсуждаемой Леонтьевым темы в работе «Культурный идеал...».

Охарактеризовав понятие «нация», он переходит к следующему: «Национальность: понятие более отвлеченное. Это какой-то йдос — той нации, которую мы только что воображали себе *во плоти*. Когда мы говорим: русская национальность, французская, китайская, то мы вспоминаем о таких общих качествах или признаках, которые более или менее свойственны всем людям, составляющим эту нацию (или хотя бы большинству их), и *совокупностью* которых эта нация *отличается от других*.

Чем эти признаки резче, чем эта совокупность их выразительнее, тем более в нации *национальности*, т.е. особенности, своеобразности, оригинальности». То есть словом *идос* Леонтьев определил характерную суть, квинтэссенцию объективной реальности, обозначаемой словом «нация». «...Изменяющиеся в течение веков признаки этого *идоса* — ...достаточно все-таки устойчивы...» — отмечает он.

Далее Леонтьев разъясняет свое понимание разницы между «национальностью данной нации» и «национальным идеалом». Если первое - это то, что у нации уже есть, «совокупность признаков существующих, историческим развитием уже приобретенных», то второе - «совокупность национальных признаков еще не приобретенных; это представление той же нации в будущем ближайшем или отдаленном»⁴⁵.

Затем Леонтьев переходит к разбору понятия «национальное начало». Осмыслению его он посвящает много места - и в «Культурном идеале...» и особенно в «Кто правее?..», так как П. Астафьев упрекнул его в сильной недооценке «национального начала» в политике и жизни. Он отмечает, что прекрасно осознает роль этого «начала», ибо «значение его в политике, к сожалению, очень велико...»⁴⁶, но в то же время, говорит Леонтьев в своей брошюре «Национальная политика...», он не употребил данное выражение ни разу (указывая при этом, какие термины, выражения в ней присутствуют: «национальное движение», «политический национализм», «национальный характер», «национальная свобода», «национальное восстание», «национально-политический принцип»)⁴⁷.

Но что такое «национальное начало?» - задается вопросом Леонтьев и полемически отвечает: «Не понимаю!» А пытаюсь все же «понять» (в процессе разговора «с самим собой»), характеризует целый ряд понятий, включающих в себя слово «национальный» (-ая; -ое). «Национальное *государство!* Ясно. Вот Франция издавна была национальным государством; Австрия же никогда не была таковым. "Национальная религия?" Тоже ясно. *Армянское* христианство есть религия общая для большинства армянской нации, разделенной подданством по разным государствам. Англиканское протестанство есть тоже национальная религия, ибо оно тесно связано историей с государственным учреждением Англии и даже пригодно только для одной Англии... "Национальная поэзия"; это значит поэзия своеобразная, в национальном духе или стиле развившаяся.

Национальная одежда, национальная пляска; национальный обычай; все это очень ясно и наглядно.

"Национальная политика" есть уже выражение несравненно более сбивчивое... но все еще понятное.

Что касается до выражения - национальное *начало*, - то я... не умею постичь его иначе как воплощенным во всех этих частных перечисленных мною разветвлениях его»⁴⁸. По его пониманию, это - «самое широкое, самое отвлеченное» понятие, которое «можно применить ко всему, касающемуся до нации... именно потому, что оно есть начало, принцип, - применимо и к физиогномии нации, и к политике ее правительства, и к патриотическому идеалу граждан. И к более неподвижному (национальность) и к более изменчивому (политика)»⁴⁹.

Далее К.Н. Леонтьев излагает свое понимание категории «национализм»: «... Это... какое-то *движущее, действующее начало*, действующее во имя» того, что он раньше определил как «национальность»: «Можно ведь сказать: "страстный национализм такого-то человека"; "крайний национализм такого-то правительства". Но неловко выйдет, если мы скажем: "страстная, фанатическая национальность его". Или: "крайняя, опасная национальность такого-то правительства"»⁵⁰.

Очень подробно анализирует Леонтьев «выражение» (понятие) «национальная политика» (в частности, в связи с употреблением его в названии своей брошюры, вызвавшей дискуссию). Он полагает, что «немного ошибся», озаглавив эту работу «Национальная политика как орудие всемирной революции»; лучше («точнее») было бы назвать ее «политика *национальностей* ("la politique des nationalites") или *племенная* политика» (не замечая, что теперь, делая кальку с французского или на

французском калькируя «русскоязычный» термин, он употребляет слово «национальность» явно не в том смысле, какой он сам придал ему несколько ранее). Но, обосновывая свое нынешнее употребление этих понятий (терминов), Леонтьев объясняет: «Тогда было бы яснее, что я, охраняя и защищая национальности и национальные идеалы в их обособленности, опасаясь все большего и большего разлития космополитизма, указываю на *племенные объединения и освобождения*, как на игру весьма обманчивую и опасную для яркости национально-культурных физиономий и национально-культурных идеалов»⁵¹.

Что касается термина «национальная политика», то Леонтьев отмечает его «бестолковость» (имея в виду, конечно, неопределенность), в связи с чем его можно употреблять в разном контексте, в разном значении: «Может быть, национальная политика значит просто политика независимая, твердая, пожалуй, даже несколько надменная в своей патриотической самобытности?»

Или ...нужно придавать этим словам ...значение более глубокое — подразумевать под ними поддержку тех *главных* (религиозных) *основ*, на которых утверждена национальная жизнь?

...Или ...понимать под этим названием ту политику, которая имеет в виду по преимуществу *язык и племя!* Во *внешних* делах (ее цель. - С.К.) — освободить от чуждой власти народы, родственные по языку и племени, и сгруппировать их в одну государственную систему; а во *внутренних* делах государства *неоднородного* стремиться дать преобладание языку и учреждениям того племени, к которому принадлежит большинство граждан и само правительство»⁵².

Рассуждая дальше об истинной сущности этих категорий (нация, национальная политика), Леонтьев приходит к выводу, что и для нации как таковой, и для оптимального устройства национально-государственной жизни гораздо важнее «...не *само* господствующее *племя* и даже не *язык* его, а *совокупность всех тех культурных признаков*, которыми отличается эта нация от других»⁵³. «Своему лицу» народа (нации) Леонтьев придавал столь большое значение, что в первоначальных набросках текста «Культурного идеала...» записал: «...по моему мнению, нация (или племя), без *особой* разновидности культуры не стоит и названия *настоящей* нации...»⁵⁴.

Именно потому, что культура (самобытная, с «лица не общим выраженьем», как замечательно образно и глубоко сказал Е. Баратынский - хотя и совсем по другому поводу) для Леонтьева гораздо важнее «признаков физиологических и филологических», он предлагает считать «*истинно национальной*» такую политику, «...которая благоприятствует сохранению и укреплению стародавних культурных особенностей данной нации и даже *возникновению новых* отличительных признаков (разумеется, естественно подходящих к среде, способных привиться к ней)»⁵⁵.

В заключение данного опыта осмысления леонтьевских размышлений на темы либо прямо этнографические (этнологические), либо близкие к ним, остановлюсь на одной его фразе, точнее, даже одном слове в этой фразе, очень важном для нас. Она (оно) содержится в первоначальных набросках к тексту статьи «Культурный идеал...». Характеризуя «национальную политику» (ложную, по его мнению) Италии, Германии, Франции в 60-80-е годы XIX в., он поместил: «Но она-то, такая политика, и есть прямо племенная *{филетическая (?)}* или *этническая*, если хотите». Вопрос в фигурных скобках принадлежит публикаторам, а разъяснение слова «филетическая» мы найдем в данном издании в «Словаре иностранных и русских слов»: «Филетизм - ересь, сформулированная и осужденная Константинопольским собором 1872 г., согласно которой единство какой-либо поместной Церкви может быть обосновано политическим, этническим или культурным началом»⁵⁶.

Происходит это понятие (филетизм), видимо, от слова «фила» (греч. *phylé*), которым обозначалось племя в древней Аттике. Слово «этническим» (началом) в «расшифровке» данного термина в указанном «словаре» принадлежит комментаторам, и употреблено оно в современном его значении. Что касается термина «этническая»

(политика) в леонтьевском тексте, то не в первый ли раз (1890 г.) появился он в работе русского автора на русском языке? Напомню, что в западной литературе он стал употребляться в 70-80-е годы XIX в. (Л.Г. Морган, П. Топинар, А. Бастиан и др.), причем в значениях, по большей части далеких от того, которое вкладывается в него современными авторами (ближе всего к нынешнему его пониманию и употреблению, бесспорно, у Бастиана)⁵⁷.

Завершая, я хотел бы напомнить некоторые мысли С.А. Токарева, касающиеся как изучения истории науки, так и дальнейшего ее (науки) развития. «...Изучение современных этнографических концепций, их оценка и критика попросту невозможны, если рассматривать эти проблемы и эти концепции статически, в их сегодняшнем состоянии: ведь любая этнографическая проблема имеет свою историю, иногда длительную, без знания которой поставить правильно эту проблему нельзя». «Появление отдельных этнографических концепций, борьба их между собой, смена одного течения другим всегда составляли лишь частицу огромного и сложного процесса развития общественного сознания, борьбы общественных идеологий...»⁵⁸

К.Н. Леонтьев, конечно, не был профессионалом-этнологом или культурологом. Но работы его, как бы к ним не относиться, его размышления на этнологические темы, отражающие уровень и содержание соответствующих представлений того времени, не могут не быть интересными для нас.

Примечания

¹ Собрание сочинений К.Н. Леонтьева, далеко не полное, вышедшее в 1912-1913 гг., составило девять больших томов. В настоящее время Пушкинский дом готовит Полное собрание сочинений и писем в 12 томах.

² Бердяев Н.А. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж, 1926. С. 78.

³ Цит. по: Корольков А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991. Прим. на с. 132.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Леонтьев К.Н. Собр. соч. Т. 1. М., 1912. С. V-VI.

⁶ Впервые опубликовано: Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1875. № 3. Отдельным изданием работа вышла в Москве в 1876 г.

⁷ См. также: Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 678.

⁸ Цит. по: Корольков А. Указ. раб. С. 107. Стр. 7.

⁹ Цит. по: Русская социально-политическая мысль XIX века. К.Н. Леонтьев. М., 1995. С. 5-6.

¹⁰ Леонтьев К. Восток. Россия и славянство. С. 620.

¹¹ Там же. С. 532.

¹² Там же. С. 636.

¹³ Там же. С. 756 (текст, зачеркнутый в черновом автографе).

¹⁴ Там же. С. 534.

¹⁵ Леонтьев К.Н. Собр. соч. Т. 6. М., 1912. С. 20.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. С. 519.

¹⁸ Там же. С. 613.

¹⁹ Там же. С. 616.

²⁰ Цит. по: Корольков А. Указ. раб. С. 191-192.

²¹ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. С. 532.

²² Леонтьев К. Собр. соч. Т. 8. М., 1912. С. 190-191.

²³ Там же. Т. 5. С. 250.

²⁴ Там же. Т. 7. С. 217.

²⁵ Там же. Т. 6. С. 61.

²⁶ Цит. по: Корольков А. Указ. раб. С. 126.

²⁷ Там же. С. 134.

²⁸ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. С. 431.

²⁹ Там же. С. 272.

³⁰ Там же. С. 603.

³¹ Там же. С. 646.

- ³² Там же. С. 519.
- ³³ Там же. С. 758.
- ³⁴ Там же. С. 355.
- ³⁵ Там же. С. 345.
- ³⁶ Там же. С. 513. Он повторяет этот вывод неоднократно и в последующих работах.
- ³⁷ Там же. С. 516, 520.
- ³⁸ Там же. С. 526.
- ³⁹ Там же. С. 234.
- ⁴⁰ Русское обозрение. 1890. № 3.
- ⁴¹ Опубликовано впервые: *Леонтьев К. Восток, Россия и славянство*. 1996. С. 600-625 (по рукописи, хранящейся в Государственном литературном музее).
- ⁴² Впервые работа (с купюрами) была опубликована: *Леонтьев К. Собр. соч. Т. 6. М., 1912*. Впервые в полном виде см.: *Восток, Россия и славянство*. С. 625-678.
- ⁴³ Там же. С. 601.
- ⁴⁴ Там же. С. 656-657.
- ⁴⁵ Там же. С. 601-602.
- ⁴⁶ Там же. С. 653.
- ⁴⁷ Там же. С. 658.
- ⁴⁸ Там же. С. 653.
- ⁴⁹ Там же. С. 601.
- ⁵⁰ Там же. С. 602.
- ⁵¹ Там же. С. 603.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 747.
- ⁵⁵ Там же. С. 604.
- ⁵⁶ Там же. С. 797.
- ⁵⁷ См.: *Брамлей Ю.В. Очерки теории этноса*. МЦ 1983. С. 8-9.
- ⁵⁸ *История зарубежной этнографии*. М., 1978. С. 4-5, 7.

S. Ya. K o z l o v. Ethnological Topics and Problems in the Works of Konstantin Leontiev

The works of Russian social and religious philosopher Konstantin Leontiev is the object of the article. K. Leontiev, though he was not an ethnologist or a specialist in cultural studies, left a number of works, reflecting contemporary representations of reality, the ethnographic details of which are quite graphic. Some of the problems or subjects of his analysis are still in the focus of attention of the Russian ethnologists.

© 2002 г., ЭО, № 3

Б.П. Полевой, А.М. Решетов

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В.Г. ТРИСМАН**

14 августа 2001 г. исполняется сто лет со дня рождения этнографа, переводчика, историографа Вильгельмины Герардовны Трисман, свыше тридцати лет проработавшей в Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Великая труженица, она являет собою пример честного, беззаветного, бескорыстного, преданного служения науке.

В.Г. Трисман родилась в Роттердаме (Голландия) в семье рабочего-печатника. Там окончила начальную школу. В 14-летнем возрасте начала работать по найму плиссировщицей. В 1920 г. она познакомилась с русским моряком Тимофеем Рязанцевым,